

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

На Предварительном съезде русских филологов в 1903 г. лектор Варшавского университета А. В. Михайлов обратил внимание участников съезда на памятники «общеславянского значения», а именно: исторические — свидетельства о деятельности Кирилла и Мефодия, и лингвистические — собственные труды Кирилла и Мефодия [1]. Указав, что главное место среди трудов Кирилла и Мефодия занимают переводы библейских текстов, А. В. Михайлов определил следующие четыре задачи и цели изучения этих переводов: 1) изучение истории библейских текстов у славян, включающее в себя установление древнеславянского прототипа и греческого оригинала каждого текста, определение отношения к Вульгате, определение авторства переводов и их качества, установление истории каждого текста в отдельности; 2) сбор материалов по истории старославянского и церковнославянского языков; 3) накопление лексических материалов для словаря церковнославянского языка; 4) извлечение библейских цитат из памятников письменности, на основании которых можно в дальнейшем определить историю тех текстов, в состав которых включены эти цитаты. Как видно, только исполнение первой задачи обеспечит исполнение последующих.

Что касается исторических памятников, то выполненное А. В. Горским в 1843 г. комментированное издание житий Кирилла и Мефодия по тексту Великих четьих миней митроп. Макария снабдило славянскую филологию авторитетным свидетельством о том, что Кирилл перевел Евангелие-апракос (глава XIV его жития) и что Кирилл и Мефодий перевели Псалтырь, Евангелие, Апостол и избранные службы, а после смерти брата Мефодий с помощниками (скорее всего, в течение восьми месяцев и с тремя помощниками [2, с. 25; 3, с. 11—12]) перевел оставшиеся библейские книги, кроме Маккавейских, Номоканон и отеческие книги (глава XV жития Мефодия) [4]. Эти свидетельства оказались полнее и точнее, чем доступные прежде свидетельства итальянской легенды и Иоанна, экзарха Болгарского. Однако при историко-филологическом изучении Геннадиевской библии — 1499 г. к первоначальному переводу А. В. Горский отнес лишь Пятикнижие Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь, Притчей и Псалтырь, а также Евангелие и Апостол [5, с. 132, 289 и сл., 326 и сл.; 6, с. ССVIII—ССXIV, ССXVIII—ССXLIII; 7]. Это шло вразрез с историческим свидетельством жития Мефодия, так что И. В. Ягич [8; 6, с. ССXIII, СССXX] предпочел остаться при тех же взглядах, которые прежде высказывал И. Добровский, т. е. что к начальному переводу относятся лишь Евангелие, Апостол и Псалтырь (анализ взглядов И. Добровского см. [6, с. CLXVII—СХСV; 9, 10]).

Выход из создавшегося затруднения А. В. Горский увидел в том, чтобы предположить утерю первоначального перевода некоторых частей Биб-

лии вследствие вытеснения четых списков списками толковыми [5, с. 135]. Несмотря на суровую критику А. В. Михайлова [6, с. ССXL], это предположение получило в науке прочное место, из новейших авторов его повторили И. Вашица [11, с. 31], Т. А. Иванова [2, с. 27].

Между тем, обстоятельная книга И. Вашицы [11] позволяет судить о тех результатах, которые достигнуты современной славистикой в деле изучения «лингвистических» памятников. Автор подробно излагает результаты исследований о переводе Кириллом литургических текстов (Синайский евхологий, Хиландарская рукопись с литургией св. Петра, Киевские и Венские листки), о составленных им предисловиях к Евангелию и Херсонской легенде ¹, о Номоканоне, Законе судном людем, Заповеди святых отец и анонимной омилии из Клоцева сборника как законодательном корпусе текстов, составленном Мефодием ². Между тем краткий обзор работ о переводе Евангелия начинается словами: «Несмотря на большие усилия многих поколений со времени И. Добровского, который положил начало научному изучению этих вопросов, многие из них остаются нерешенными» [11, с. 22]. Говоря о переводе Апостола, И. Вашица ограничился указанием на исследование этого памятника И. В. Ягичем, для Псалтыри назвал издания Синайской, Болонской и Чудовской рукописей и статью И. Вайса о греческой основе славянского текста, наконец, по поводу перевода Мефодием Ветхого завета заметил что «не сохранилось ни одного списка этого перевода» [11, с. 31].

Конечно, внимание И. Вашицы направлено прежде всего на литургические и законодательные переводы Кирилла и Мефодия, которым он посвятил ряд своих превосходных исследований, однако его лаконизм при обзоре переводов св. Писания отражает не столько бедность научной литературы по этому вопросу, сколько отсутствие серьезных филологических результатов, существенно дополняющих или меняющих наши сведения из исторических источников [17, с. 183].

Действительно, литература, посвященная, скажем, древнеславянскому Евангелию почти необозрима, но при этом отсутствует сколько-нибудь основательная текстологическая теория этого памятника, сравнимая с теми, которые разработаны для соответствующего греческого текста. Путь развития текста от краткого апракоса к тетеру и вновь от краткого апракоса к полному апракосу, намеченный в общих чертах [18—20], не привязан ни к конкретному месту, ни к определенному времени. Не ясно, например, возник ли полный апракос у восточных славян, как первоначально считал Г. А. Воскресенский [21], а теперь как будто Л. П. Жуковская [22, с. 110—121], или же он сложился в Болгарии в более ранний период, как стал думать Г. А. Воскресенский под влиянием критики М. Н. Сперанского и И. Е. Евсеева [23]. Обнаруженный Л. П. Жуковской тип сверхкраткого (воскресного) апракоса вообще может внести существенные изменения в имеющиеся схемы [24, с. 73—84; 22, с. 241 и сл.].

Критическое издание древнеславянского текста по основной массе известных списков можно было бы считать значительным, но не заключительным этапом в изучении такого памятника, как Евангелие. Вместо этого славистика располагает лишь реконструкцией текста, предпринятой в 30-е годы И. Вайсом.

Используя в своем издании 13 древнейших списков, И. Вайс ³ решающую роль отвел свидетельствам двух из них — Ассеманиеву служеб-

¹ Принадлежность ее Кириллу не признается, например, Н. К. Никольским [12, с. 405—416], который, напротив, не сомневался в том, что Кирилл составил Написание о правой вере [12, с. 446—450], о котором не упомянул И. Вашица.

² Вопрос о переводе патерика также не вошел в книгу И. Вашицы. Вопрос этот нельзя считать решенным, хотя он имеет обширную научную литературу см. [13—16].

³ «Мы не реконструируем „исконный“ текст, но скорее реконструируем такое, чего никогда прежде не существовало», — заметил по сходному поводу М. М. Пэрвис, — «ведь главная цель текстологии состоит в открытии искомого текста» [97, р. 397—398]. Проект реконструкции славянского текста, только что предложенный К. И. Логачевым [98], имеет в виду не что иное, как перевод на церковнославянский язык усредненного текста греческого апракоса, великодушно освобождая славистику от утомительного исследования сотен рукописей и сотен тысяч разночтений в них.

ному евангелию и Никольскому четвероевангелию богомильско-боснийского происхождения. Между тем, Ассеманиево евангелие подвергалось дополнительным правкам по греческому оригиналу, так что отошло от славянского протографа [18, с. 284—290], тогда как текстологическое значение богомильской традиции, которое было отмечено М. Н. Сперанским [25, с. 88—97] и В. Воцдраком [26], остается все еще не вполне выясненным, более детальное ее обследование не принесло пока значительных результатов [27].

При наличии вариантов в славянском тексте И. Вайс отдавал предпочтение тому, который соответствовал «довизантийским», т. е. наиболее древним чтениям греческого текста. Это было связано с его стремлением обнаружить вневизантийский источник в деятельности Кирилла и Мефодия, т. е. источник римско-католический. Сам Г. фон Зоден, на текстологическую теорию которого опирался И. Вайс, не указал, в чем состоят типичные признаки семьи K^a [28, р. 343], которую И. Вайс рассматривал как искомую греческую основу. В качестве представителей этой семьи И. Вайс определил кодексы A K Π 265 489 1219 1346, 1500 [29], тогда как К. Лейк, анализируя теорию Г. фон Зодена, пришел к выводу, что такими могут являться кодексы 1200 1219 1220 1223 1313 1318 1346 [28, р. 344]. Несколько позже И. Вайс принял в качестве греческой основы славянского текста семью J^π (по текстологии Г. фон Зодена) [30], на которую было обращено внимание в одном из критических разборов его труда [31, р. 208]. Впрочем, еще позже критика предложила в качестве такой основы рассматривать семью J^o [32, р. 90—96], таким образом, вопрос этот еще далек от решения.

Нужно особенно отметить, что многозначительное подчеркивание И. Вайсом того, что в греческой основе славянского Евангелия присутствовало большое число «западных» и «александрийских» чтений, не имеет никакого значения для эпохи IX в., когда были изготовлены славянские переводы. Так называемый «сирийский» (Ф. Горт), «константинопольский», «общий» (Г. фон Зоден), «церковный» (К. Лейк) текст греческого Евангелия возник в Антиохии в IV в., включив в себя чтения из трех древних видов текста — «нейтрального», «александрийского» и «западного», со временем новый вид полностью вытеснил три древние вида как в областях Константинопольского патриархата, так и в сфере Римской церковной юрисдикции [33—35]⁴; именно он был впервые напечатан в Базеле Эразмом Роттердамским в 1516 г.

Открытие и исследование папирусов II—III в. приводит современную текстологию к полному отказу от западного типа текста [99].

Напротив, существенным является то обстоятельство, что апракос на греческой почве был вторичным, тогда как на славянской — первичным видом евангельского текста. В свое время М. Н. Сперанский отметил, что при дополнении апракоса до тетра были использованы греческие списки, имевшие отличия от тех, которые послужили при переводе апракоса [37]. Подобным образом обстоит дело при дополнении краткого апракоса до полного, как это видно из сравнения Евангелия от Марка по изданию Г. А. Воскресенского с полной коллацией, сделанной К. Лейком для XI гл. греческого текста этой книги [28, р. 349—357].

Так, в стихе 11 этой главы добавка оученикомъ в полных апракосах редакции Б отвечает греческим кодексам 1194 1202 1237 1315 1386 1901 и разделяется списком A 9 (полный апракос XIII—XVI в., ГИМ, собр. Хлудова 28); в ст. 17 редакции A и B дают чтение оучаше гла имз, что соответствует основной традиции греческого текста (чтение в Textus receptus), другой порядок слов оучаше имз гла в редакциях B и Γ соответствует кодексам 1204 1385; в ст. 18 редакции A, B и Γ имеют книжници и дрхїєрен, редакция B — кзшижа ници и фдрисєи и ждраци, что соответству-

⁴ В отечественной традиции уже давно было указано на тщетность попыток связать греческую основу славянского Евангелия с каким-либо древним видом текста [36, с. 44—45].

ет кодексам 1186 1201 (в Б I, Юрьевском ев. XII в. опущено *φαρμακον*); в ст. 26 редакции А и В дают *ѡ поуѣтитъ*, тогда как редакции Б, Г и А I (Остромирово ев.) добавляют *камъ*, что соответствует кодексам 1163 1173 1175 1203 1247 1335 1348 1385; в ст. 27 редакции А, В и Г дают и *придоша пакы* (-*Textus receptus*), редакция Б — *приде ѿъ*, что соответствует кодексу 1966. Из индивидуальных чтений отдельных списков редакции полных апракосов Б можно отметить в ст. 9 опущение слова *осанна* в Б 5 (Галицко-волинское ев. XII—XIII в., ГИМ, Архангельск. собр. I), что соответствует кодексу 1194; опущение слова *жараца* в ст. 27 этим же списком (-кодексы 1195 1326). опущение слова *отакъцианте ми* в ст. 30 этого же списка (-кодексы 1189 1190 1234 1236 и др.), прибавку слова *едино* (*листкне*) в ст. 13 списком Б 54 (полный апракос XIII в., Ярославль, Музей-заповедник, № 15690), что соответствует кодексам 1216 1243 1317 1326. Встречающиеся иногда совпадения списков разных редакций заставляют думать, что в развитии славянского текста остается еще много неясного. Совпадения в чтениях полного апракоса и редакций А и Г можно, вероятно, понимать, в согласии с О. Неделькович, как влияние полного апракоса на «балканскую редакцию» тетра XIII в. [38, ср. также 39], хотя такое влияние могло иметь и противоположное направление или идти независимо из одного греческого источника. Наконец, нужно добавить, что все упоминавшиеся греческие кодексы представляют собой списки четвероевангелия X—XV в. из монастырей на Патмосе, Синае, в Иерусалиме [40].

Прочную и единственно надежную базу для дальнейшего исследования текста древнеславянского Евангелия заложили работы Л. П. Жуконской. Только теперь, когда приведены в известность и классифицированы 500 списков XI — начала XV в., появились возможности для солидной текстологической теории памятника. Характерно, что уделяя внимание греческим спискам Евангелия, Л. П. Жуконская не ставит вопрос о греческой основе славянского текста [22, с. 234—241], оставляя его до времени полного изучения славянского материала, что находится в духе рекомендаций А. В. Михайлова [6, с. ССLXXII].

Изучению древнеславянского Апостола уделялось гораздо меньше внимания. Издание части текста по 50 спискам, выполненное Г. А. Воскресенским [41], оказалось крайне неудачным по своей текстологии. История этой книги представляется обычно по аналогии с Евангелием и пока не идет дальше констатации того факта, что в древности существовали краткий и полный апракосы, а также четый текст [42]; впрочем, ряд интересных соображений о древнейших судьбах этой книги высказал И. Е. Евсеев в рецензии на труд Г. А. Воскресенского [43].

Что касается текстов Ветхого завета, то здесь речь должна идти прежде всего о древнеславянском Паримийнике. В круг кирилло-мефодиевских переводов Паримийник включил О. Новицкий в 1837 г. [44]. Эта атрибуция не вызывает сомнений, поскольку до XIII—XIV в. Паримийник был столь же необходим в церковном богослужении, как Евангелие-апракос. Филологические доказательства его древности представляют жития Кирилла и Мефодия, в которых ветхозаветные цитаты совпадают с чтением Паримийника [45], а также его лексика и словоупотребление, близкие к лексике и словоупотреблению Псалтыри и Евангелия [46; 47; 6, с. СССXIII]. Состав Паримийника несколько колебался в его месячном отделе. Судя по изданию этой книги, основанному на старопечатных триодях, минеях и требниках (когда Паримийник уже вышел из употребления) [48], он включал в себя книги Бытия, Притчей и Исая до трети их полного объема, целиком книгу Ионы, по несколько глав из книг Исход и Премудростей Соломоновых, а также отрывки из книг Числ, Левит, Второзакония, Иисуса Навина, Судей, 3 и 4 Царств, Иова, Даниила, Иезекиила, Иеремии, Захарии, Малахии, Софонии, Иоилы, Михея и Варуха. Это довольно обширное собрание кирилло-мефодиевских текстов сохранилось более чем в 50 списках XIII—XVI вв. [49, с. LI—LIX, XII—XVI], почти в половине своего объема оно было издано по 16 спискам Р. Ф. Брандтом [50].

Это издание при известных своих недостатках (неполнота охвата материала, сложная и неполная подача разночтений, введение в основной текст конъектур) дает ценный лингвистический материал, изученный до сих пор совершенно недостаточно⁵. Например, некоторые чтения Паримийника неоднократно повторяются в течение церковного года, как это обычно и для евангельских чтений, но в отличие от известной по Евангелию большой лексической вариантности в таких повторяющихся чтениях, этого почти не наблюдается в Паримийнике. Ср. отрывок из кн. Исайи VII 10—14, читаемый в навечерие Рождества Христова и в пятницу второй недели по Пасхе (в скобках приведены имеющиеся варианты): и приложи гѣ глти къ Ѳхазови гла проси (испроси) себѣ знамение оу гѣ бга своего къ глзбинѣ или къ высогѣ. И рече Ѳхазъ, не имамъ просити (къспросити), ниже имамъ искоузити гѣ. и рече Исала, слышите оубо (же оубо) доме дѣвѣз. Ѳда мало камъ трудъ дѣти члкомъ, тѣмъ (и) како гѣи даете трудъ. сего ради даега гѣ самъ камъ знамение [50, с. 15, 171]. Ср. также чтение некоторых стихов из кн. Притчей, дважды встречающихся в тексте Паримийника: I 20 прѣмѣдростѣ къ исходѣицѣхъ поетѣ са на пѣтехъ же дрзновение кодигѣ [50, с. 83, 90]; III 34 гѣ грздымъ протикѣгѣ са. смѣренымъ же даега блгдѣга (блгодѣга) [50, с. 126, 134]; IV 20—22 снѣ, моухъ глз кзыми (кнѣми). к моимъ же словесемъ прилаган свое (твое) ухѣ. да не шкжѣатѣ источники живота твоего. храни га къ своему срци. живогѣ во сѣга обрѣтацимъ а [50, с. 137, 143] (в Захарьинском паримийнике без вариантов); V 15 снѣ пи воды ѿ (источника своего (нет последних трех слов) и ѿ сѣжда (ѿ скихъ сѣжда) и ѿ своихъ студенѣзъ і источника [50, с. 147, 153 (в Захарьинском паримийнике без вариантов); VI 3 тѣори, снѣу, еже азъ запѣдаа ти (ти запѣдаа), и спѣши са [50, с. 155, 164] (по Лобковскому); VI 20 храни, снѣ, законъ шѣа твоего и не ѡбръзи наказание мѣре своѣа (твоеа) [50, с. 168, 174] (по Лобковскому). Единственный случай серьезного расхождения в тексте Исайи XIII 6—10, 17 [50; с. 53, 224] объясняется тем, что однажды он напечатан издателем по позднему болгарскому списку, содержащему, возможно, иной перевод. Как видно, расхождения в повторяющихся чтениях Паримийника крайне незначительны, они порождены неустойчивостью и спонтанной вариантностью, возникающей в любом тексте при его рукописном бытовании. А это значит, что значительная вариантность, наблюдаемая в аналогичных случаях в Евангелии-апракосе, не представляет собою безусловно необходимого явления, отражающего, как можно было бы думать, свойство литературного языка вообще [53, с. 60 и сл.]. Эта вариантность в Евангелии должна иметь конкретные причины, имманентные природе памятника, и прежде всего — на что до сих пор не обращалось внимания славистами — это свойство могло быть унаследовано славянским апракосом от греческого лекционария, где оно также отмечено [32, р. 80, прим. 2; 54; 100], кроме того, вариантность могла расти из-за справ, которым подвергались евангельские тексты. Напротив в истории Паримийника была лишь одна справа, которая могла не охватить всех дошедших до нас списков памятника [6, с. 400—401], чем в данном случае облегчается задача реконструкции славянского протографа.

Паримийный перевод ветхозаветных книг получил в дальнейшем распространение за пределами Паримийника. В частности, это видно из сопоставления двух паримийных чтений кн. Июля (II 12—26, 23—32) по изданию Р. Ф. Брандта [50] с изданием Толковых пророчеств в редакции попа Упыря 1047 г. [55], представленной, между прочим, и в Геннадиевской библии 1499 г. В указанном объеме между двумя текстами нет таких

⁵ На это уже указывал В. Киас [51], что, может быть, и побудило Б. Стиптевич предпринять лексикологическое исследование этого памятника [52].

различий, которые позволили бы предполагать другой перевод или хотя бы правку по другому греческому оригиналу. Различия заключаются только в лексике и выражаются преимущественно в том, что на месте того или иного слова Паримийника в Толковом тексте выступает слово, типичное для болгарских текстов X в., как об этом можно судить по лексикологическим материалам в известных работах И. В. Ягича, В. Вондрака, В. Облака, А. В. Михайлова, И. В. Евсеева, В. А. Погорелова и др. Ср. следующие пары (на первом месте лексема Паримийника): пощенице — дльба, алканине II 12, 15, копла — жема II 12, жрътка — трѣба II 14, иереи — жраци II 17, ѣзыци — страны II 17, олтаръ — трѣбаникъ II 17, олен — млеко II 19, 24, лоуна — мѣсца II 31 и т. п. Важно отметить, что не во всех списках Толковых пророчеств эта лексическая замена проведена в равной степени. Так, в западнорусском списке 1502—1507 гг. сохранился целый ряд паримийных вариантов, в частности, из приведенных выше слово лоуна [56, с. 63].

Между тем, уже упоминавшееся в начале статьи предположение А. В. Горского об утере первоначального четъего перевода библейских книг [5, с. 135], которое получило широкое хождение, не имеет под собой прочного основания: оно сделано при изучении Геннадиевской библии, в составе которой почти все тексты обладают чертами своего более позднего южнославянского бытования (если не происхождения) [57, с. 5]; оно сделано без филологического обследования всей рукописной традиции, насчитывающей только для ветхозаветных текстов 4 145 списков XI—XVII в. [58, с. 6], а результаты такого обследования невозможно предсказать. Утверждения противоположного содержания, принадлежащие исследователям отдельных текстов, не привлекают к себе достаточного внимания, почему будет нелишним напомнить здесь о них.

В своем исследовании древнеславянского текста кн. Даниила [49] И. Е. Евсеев назвал две рукописи, в которых сохранился Мефодиевский перевод книги, и опубликовал текст этого перевода рядом с паримийным и толковым (Симеоновским) переводами. В более ранних работах И. Е. Евсеев описал тексты книг Иеремии, Софонии, Аггея, Захарии и Малахии, сохранившиеся в переводе Мефодия (Архивский сборник 903/1468) [59], и указал, что в житии Стефана Лазаревича, составленном Константином Костенецким в 1431 г. сохранился отрывок из книги Есфирь в переводе Мефодия [60, с. 343—344]. Позже он высказал мнение, что издатели Острожской библии 1580 г. пользовались не дошедшими до нас списками мефодиевского перевода книг Бытия и Иисуса Навина, следы которого, таким образом, и сохранились в этом издании [61, с. 82, 84]. В своих заключениях И. Е. Евсеев пользовался данными текстологии и языка изучаемых памятников, а также их отношением к греческим оригиналам.

На основе лексических моравизмов к переводу Мефодия отнес А. И. Соболевский книги 1 и 2 Царств по среднеболгарскому списку F I. 461 (ГПБ) [62]. Р. Нахтигаль обнаружил остатки мефодиевского перевода Малых пророков в хорватских глаголических бревиариях, а перевод книг Царств по этим же источникам отнес к Западной Македонии [63]. Наконец, ряд изданий хорватских глаголических текстов, предпринятых И. Вайсом, позволил как издателю, так и постоянному рецензенту этих изданий А. В. Михайлову прийти к выводу, что в непаримийных частях некоторых книг сохранился как раз четий мефодиевский перевод. Речь идет о кн. Руфь [64—66; 6, с. CCCXXXV], Иова II 11—13, III 1—25, IV 1—9 [67; 68, 6, с. CCCXXXVI, Июля I 2—20, Осии I 2—11, II 1—23, III 1—5, IV 1—5, Аввакума I 2—17, II 1—8 [69; 70; 6, с. CCCXXXIX], Премудрости Иисуса, сына Сирахова I—VI [71; 6, с. CCCXLI]. Все изданные И. Вайсом с 1910 по 1915 г. глаголические тексты Малых пророков в качестве кирилло-мефодиевских источников включены в [72].

К наблюдениям А. В. Михайлова можно добавить некоторые материалы по сопоставлению текста Премудрости Иисуса, сына Сирахова с отрывками из этой книги в Изборнике 1076 г. (далее — Изб.) и Генна-

диевской библии 1499 г. (далее — ГБ). На тождество перевода в Изб. и ГБ в свое время уже указал М. Н. Сперанский [73, с. 486—501], этот же перевод находится в бревиарии, хотя в отдельных чтениях эти три источника существенно расходятся. Единство текста видно, например, на чтении ст. IV 7, тождественного во всех трех списках (в орфографии бревиария): и болариноу смѣран глакоу сѣю. Одно место из Изб. позволяет даже исправить чтение, принятое И. Вайсом в ст. I 9 и и чге, греч. καὶ ἐξήριθμήσεν, в ГБ, и чгеса, Изб. и иштгте, таким образом, в бревиарии надо читать и ичге. В наиболее существенных расхождениях ГБ чаще следует за бревиарием, реже за Изб. Ср. общие для бревиария и ГБ чтения (в орфографии бревиария, на втором месте чтения Изб.): I 24 разоум' — сзмыслаз, II 4 вл измѣнение смѣрениѣ скогого длго трапи — сз сзмѣрениемъ длго трапи, II 10 дрѣвние роди — парькыа роды, II 11, III 15, VI 8 скр'ви — печали, II 12 стазѣ — поутѣ, III 2 оутѣрдиѣ на смѣхѣ — оутѣрдиѣз ѣста о чадѣхѣ, IV 27 не постгеи себе (сѣ ГБ) моужю коую — не покори себе моужю безумьноу, V 14 и зазор' зл' о дквезичнѣм' — зазорѣ ко злѣз иноазычанѣма, VI 4 стежакшаго ю — сѣтворашадо и и др.

Случай совпадения ГБ и Изб. при расхождении с бревиарием касаются обычно лексических и чаще лексико-морфологических вариантов: I 12 длгогоу дѣи — длгодѣние, I 13 кончаниѣ — сзкончаниѣ, I 16 прѣмоудрости — моудростѣ, IV 31 скр'вена — сзгъвена, V 11 провѣцакаи — отзѣштган и т. п. Как видно, текст Премудрости Иисуса, сына Сирахова в Геннадиевской библии восходит к русифицированному (или болгаризованному) списку, в котором, однако, первоначальные чтения сохранились лучше, чем в Изб., а также сохранились и некоторые кирилло-мефодиевские лексические варианты, представленные в бревиарии. Тождество текста в кириллической (православной) и глаголической (католической) традициях позволяет относить его перевод к эпохе сохранявшегося единства в отправлении богослужения на славянском языке, т. е. с наибольшей вероятностью ко времени деятельности Мефодия.

Цитаты из этой книги засвидетельствованы в Похвале пророку Захарии Климента Охридского, ученика Мефодия. Ср. XXV 8 кѣнца бо старости различѣ вѣдѣние и похвала его страх гѣна [96, с. 184 — кѣнца старцемъ многоазачно. вѣдѣние и похвалени ихъ страх гѣна ГБ, л. 467 — кѣнца старцемъ многое искъшение. и похвала имъ страхъ гѣна Пандекты Антиоха по сп. XI в. [77, с. 149]. Как видно, для того, чтобы определить, восходят ли эти цитаты к одному и тому же переводу, необходимо произвести реконструкцию протографов всех трех текстов на основе всей рукописной традиции. Другая цитата из этой книги в Похвале (XXIV 14—16) [96, с. 180] также имеет разночтения с ГБ, которые пока невозможно оценить. Зато ст. XXIV 21 и XXVIII 24 читаются вполне тождественно в ГБ, л. 466 об., 468 об. и Пандектах [77, с. 148].

Наконец, следует упомянуть еще об одной книге, которая хотя и входит в Новый завет, но имеет общую судьбу с непаримийными частями Ветхого завета — Апокалипсисе, перевод которого, по мнению исследовавшего его В. Облака [74], был выполнен в Западной Македонии: глаголические и кириллические списки этой книги содержат тождественный текст, а язык сохраняет следы древности.

Игнорирование в научной традиции этих данных, вероятно, связано с авторитетом И. В. Ягича, который по своему недоверию к свидетельству XV гл. жития Мефодия скептически оценил реконструкцию И. Е. Евсеева (см. его рецензии в AfsIph, Bd. XXIV, XXVI). Недоверие это может быть признано законным, так же как несомненно наличие недостатков в исследованиях И. Е. Евсеева (при верной методике и широко взглѣде на проблемы поверхностный подход к языковым данным), но выводы последнего нуждаются в проверке и не заслуживают неблагоприятного забвения. Между прочим, выводы В. Облака И. В. Ягич принял с полным доверием и даже отнес Апокалипсис к переводам Кирилла

[8, § 54—55, S. 281], на что В. Облак даже и не претендовал. Что касается наблюдений И. Вайса и А. В. Михайлова, то они, как кажется, никем не ставились под сомнение. Таким образом, филологическая проверка свидетельства XV главы жития Мефодия выполнена еще в очень малом объеме, и призыв к ней по-прежнему звучит актуально.

Проведенное нами в связи с этим исследование Песни песней дало следующие результаты, которые полностью изложены в [75, 76].

Четый перевод Песни песней сохранился в 22 списках XIV—XVII в., сопоставление которых показало, что 1) они распадаются на две редакции — среднеболгарскую, 4 списка, и восточнославянскую, 18 списков, 2) различие в редакциях заключается в том, что среднеболгарская восходит к глаголическому списку не младше XIII в., а восточнославянская — к болгарскому не младше XII в., имевшему ряд неудовлетворительных чтений, 3) в остальном текст списков вполне тождествен и объясняется одним и тем же греческим оригиналом, дополнительной правки по греческим спискам не проводилось, 4) основным списком должен быть признан среднеболгарский список XIV—XV в. F.I. 461 (ГПБ), происходящий, вероятно, из Нямецкого монастыря в Румынии.

Древность заключенного в этих списках перевода Песни песней подтверждается следующими фактами.

1. Цитатами из него в Пандектах Антиоха по списку XI в. (I 1—3, 6, 15, II 3, 5, 7, 14, III 1, 4, VI 7, VIII 6—7), обладающими полной тождественностью с текстом по основному списку. — Текст Пандект использован в издании [77]; о том, что цитаты из Ветхого завета в Пандектах Антиоха сохраняют следы мефодиевского перевода см. [78, 79].

2. Чертами грамматической древности текста: дв. число (ржцѣ ѿго рѣстрѣмѣ златѣ, изыдѣѣѣ), сигматический аорист (рѣхъ, стѣврѣхъ), редкие формы имперфекта 1 л, ꙗхъ (εφαγον), 2 л. разоумѣше (см. о ней [80, с. 379—380; 81, с. 99—101]).

3. Преобладанием лексики, свойственной кирилло-мефодиевским переводам Евангелия, Апостола, Псалтыри, при незначительном количестве слов, характерных для толковых переводов Болгарии X в. Ср. следующие пары, где на первом месте реальное слово текста, на втором более поздний синоним: вѣкорити — вѣселити, вѣврѣти ѿ — обрѣти ѿ, вѣтроградъ — оградъ, вѣна — шина, градѣти — игти, женима — наложница (поллакида, мѣнашница), запечатѣлѣти — знаменати, искрѣнии — ближнии, кола — тако, лѣга — дѣврѣва, лоуна — мѣлаца, пико — питие, поглади — поуцити, рѣтѣжи — прозвѣжи, село — ниво, сице — тако, стѣпаъ — сѣна, стѣуденѣца — клѣва, сѣвѣжѣти — сѣнавѣдѣти, сѣздати — сѣградити (сѣтворити), тѣу — тамс, оужденѣти ѿ — чѣудити ѿ, оуничженіе — похѣуленіе, чѣво — жѣрѣва, ѣда кѣгда — да не.

Нужно, однако, иметь в виду далекий от необходимой точности характер этих лексических противопоставлений, ср., например, свободное сосуществование в одной фразе Паримийника слов, относимых обычно к разным переводческим традициям: и тако земла рѣтѣжи цѣтѣи свѣа и тако вѣтроградъ проза баѣтъ стѣмена свѣа (Захарьинск. парим. 1271 г., ГПБ Q п I 13, л. 203 об.); стѣ оутрѣбы вѣва ма ищѣва мѣре монѣю (л. 138), ср. в Синайской псалтыри, псалом 70. 6, на чѣ оуткрѣдѣхъ ѿ стѣ жѣрѣбы ищѣва матери мѣея [82]. Лексическую близость текста к Евангелию также нельзя рассматривать как достаточный сам по себе аргумент за единство происхождения, поскольку в списках Евангелия (в отличие от древнейших списков Псалтыри) наблюдается большая пестрота и неустойчивость словоупотребления, и пока не вполне ясно, какое значение нужно придавать тому или иному отдельному случаю. Кроме того, даже довольно поздний переводчик при сознательной, хотя бы и случайно возникшей ориентации на язык Евангелия и Псалтыри мог создать более или менее удачную стилизацию. Поэтому более показательными нужно считать совпадения в употреблении редких, изолиро-

ванных слов, где трудно подозревать стилизацию, по можно видеть тождество переводческих навыков. Ср. употребление таких слов в Песне песней: слово окъньце φυρίς в значении «дверца» по мнению А. И. Соболевского является моравизмом [62, с. 15, 21, 45, 57], А. В. Михайлов отмечает его в Паримийнике [6, с. СССII; слову пжпжк олυυθος в значении «почка» единственную параллель в форме пжпжз дает Апок. VI 13 [72]; редкий глагол употреблен в ст. II 13 смокжкца издѣ (ἐξήγγυκεν) пжпжкы скоа, единственную параллель; дает Пс. 68 32 телца юна рогы издѣжшта (ἐκφρουσα) (инфинитив издѣти, а не издѣтти, [как в [72], ср. кздѣтти, надѣтти); редкий предлог употреблен в ст. II 14 адѣ прѣдѣстѣниа (ἐκόμενα του προτε χειματος), ср. Пс. 93 15 гадѣ е.а (ἐκόμενοι αὐτῆς) по Синайской псалтыри [82], Пс. 67 26 гадѣ (ἐκόμενα) пожштгхъ по Болонской пс. (в Синайской лакуна) [83]. Характерно, что в болгарском переводе Псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского в первом случае стоит близд, во втором запатъ [84, 85], слова Паримийника гадѣчадина, гадѣчадина в русских списках меняются на домочадаца, домочадица [6, с. 394]. Предлог гадѣ в несколько искаженном виде дошел в составе мефодиевского перевода кн. Даниила X 4 [49, с. XVIII].

Ср., наконец, гречизмы текста, которые даны в сопровождении их обычных переводов в других текстах: кедръ, тисие — смрѣцъ, кринъ — цѣтѣтъ, миро — благоконанаѣ мастъ, порѣфуръ — багъраница; для названий благовоний и растений такие соответствия у славян находились не всегда, ср. ароматъ, алотъ, крокоцъ, кинамонъ, либанъ, нарѣъ, смърна, стактъ, финикъ.

4. Полным совпадением чтения отдельных стихов с текстом хорватских глаголических breviариев [86], ср.: II 14 яко гл(а) ткои сладо(к) и лице ткое красн(о) — гласъ убо ткои сладак и лице ткое красно, III 9 носило сътвори себѣ црѣ соломонъ о(т) дрѣва либанскаго — носило сотвори себѣ цесарѣ соломун от дрѣк либанскихъ, III 11 имже кѣнчѣ юго мѣти скоа кз днѣ жененіа (в breviарии — женитгъ) его и кз днѣ ве(с)еміа ср(а)ца его, IV 10 и конѣ рѣзъ ткои(х) паче каст(х) аромат (-breviарий), V 11 съг каплетъ (капде — breviарий) оустнѣ ткои нектѣсто (моѣ — добавлено в breviарии), медъ и млѣко под азыком ти (ткоюм — breviарий). Невозможно допустить, чтобы это сходство слововыражения возникло независимым путем, напротив, важно то, что оно наблюдается и после правки по латинским оригиналам, каковую прошел текст breviария.

Уместно также указать, что в списках среднеболгарской редакции обнаруживаются следы глаголического оригинала. В ст. VI 7 ѡ е(с)гъ црѣ ѡ п женимъ на месте союза и оказывается «омега», что можно объяснить лишь на основе смешения внешнесложных между собой букв «омега» и «иже» в хорватской квадратной глаголице XII—XIII в. [87, с. 190, 204].

Что касается отношения этого текста к греческому оригиналу, то пока представляется преждевременным на основе переводческих приемов делать какие-либо заключения о происхождении памятника, поскольку нет полной ясности, в какой степени буквальность и свобода характеризовали первоначальные и последующие славянские переводы. Преобладает, впрочем, мнение о том, что кирилло-мефодиевские переводы отличались относительной свободой, тогда как последующие переводы и справки все более усиливали буквализм при передаче греческих оригиналов [88, 89]. Высказываются даже соображения о причинах, приводивших к буквализму, это могло, например, быть опасение заподозренным в ереси в условиях распространения еретических вероучений [89; 90, с. 37—39]. Заметим, что усиление буквальности наблюдалось и в истории переводов св. Писания с древнееврейского на греческий язык [91, с. 3], так что за этим явлением можно признать известную универсальность.

В данном случае свобода при передаче грамматической структуры оригинала проявляется следующими чертами.

1. Родительный принадлежности передается дательным принадлеж-ности или, чаще, притяжательными и относительными прилагательными.

2. В необходимых случаях употребляется двойственное число.

3. Вводится связка настоящего времени, которую греческий текст часто опускает, следуя своему древнееврейскому оригиналу. Ср. особо перевод причастия VII 9 *ἐκαστοῦ* *ἀσκολοῦ* *βάββα*.

4. Греческий медиопассив заменяется активным оборотом: V 3 *ἐξεδόξαμεν τὸν χιτῶνα μου* — *сзкѣткохъ ризѣ мсѣ*. Ср. в ГБ, куда текст Песни песней попал в русском переводе XII в.: *сзкѣткохъ га сз ризы мсѣ*.

5. Аорист 2 л. ед.ч. передается соответствующим перфектом, что типично и для перевода Евангелия и Псалтыри [92, с. 41 и сл.].

6. Греческий аорист передается славянским аористом с приставкой (префиксальная перфективация): *ἤγάπησεν* — *кзвѣлѣи*. Ср. [93, с. 251].

7. Сочетание *ἐν* + дат.п. передается творительным беспредложным: II 7 *ἐν δυνάμει καὶ ἐν ἰσχύσει* — *силами и крѣпостѣми*; ср. в ГБ: *кз силахъ и крѣпостехъ*.

8. Применяются некоторые возможности славянского словообразования, ср. *αἰνιγμα* — *вѣрѣс елѣфω* «детеныш оленей».

Из лексико-семантических особенностей такого рода приведем лишь два случая. Причастие *ἀτεχνόωσα*, относимое к овце (IV, 2, VI 5), переведено *алока* (*палока*), ср. в ГБ *бѣцѣдѣна*, в Вульгате *sterilis*. Греческое выражение в ст. IV 9. *ἐκαρδίωσας ἡμᾶς* передается *сузѣзилѣ ѡи срдѣцѣ наше*, ср. буквализм ГБ *сусрдѣдѣна ма стѣсори*, в другом русском переводе, вероятно киевской эпохи, с древнееврейского оригинала также калька *осердѣчи* [94, с. 73], в переводе Константина Костенецкого начала XV в. 95 *кзсрдѣдѣчилѣ ѡи насъ* (рукопись Народной библиотеки в Софии, № 314, л. 279), ср. также в Вульгате *vulnerasti cor*.

Даже если в обоих этих случаях выбор переводчика четвертого текста определялся чтением Вульгаты, утверждение о свободной передаче им греческого оригинала сохраняет полную силу.

Возможно, лингвистические данные вообще не могут представить безусловных доказательств того, что этот или какой-либо другой перевод был сделан самим Мефодием или «попами—скорописцами» под его руководством, но вполне несомненным кажется, во-первых, его древнее, не младше X в. происхождение и, во-вторых, отличие от переводов толковых книг, возникших в Болгарии в X в. Следовательно, в высшей степени вероятным представляется его создание именно Мефодием и его помощниками, в согласии со свидетельством XV главы жития Мефодия.

В заключение хотелось бы сделать следующие выводы.

1. Версия о полной утрате мефодиевского перевода библейских книг должна быть отвергнута в свете работ И. Вайса, И. Е. Евсеева, А. В. Михайлова, а также А. И. Соболевского, В. Облака, Р. Нахтигала. Вероятно, что даже в Геннадиевской библии содержится кое-что из переводов Мефодия, например, книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, возможно также, что Толковые пророчества в своей непаримийной части опираются на четый перевод Мефодия, на что уже надеялся И. Е. Евсеев [58, с. 16—17], тогда как в паримийной восходят к первоначальному переводу Паримийника, выполненного Кириллом (и Мефодием).

2. Необходимо продолжить изучение четых кириллических списков сопоставительного с текстами глаголического бревиария в целях выявления мефодиевских переводов; делать это, разумеется, нужно на основе полного охвата всей рукописной традиции. В этом смысле опыт изучения Песни песней можно рассматривать как обнадеживающий.

Разработка четых текстов ввиду относительной немногочисленности списков и отсутствия частых подновлений и исправлений по греческим образцам, как это было со списками Евангелия, оказывается гораздо проще, а результаты ее более достоверны и легче интерпретируются. Полученные результаты могут пролить новый свет на такие старые проблемы, как лексическая вариантность, преимущественное употребление

той или иной лексемы в той или иной группе текстов, переводческие приемы и их применение в разные периоды славянской письменности, а затем подготовить почву для изучения более сложных древнеславянских текстов, каковы Паримийник, Евангелие, Апостол и Псалтырь.

3. Наличие общего протографа кириллических и глаголических списков, объясняемого одним и тем же греческим оригиналом, достаточно раннее засвидетельствование текста цитатами из него, сохранность остатков древности в языке и близость его к языку Псалтыри, Паримийника, Евангелия, Апостола — вот те филологические критерии, которыми руководствуются исследователи при атрибуции текста Кириллу и Мефодию, и — нужно признать — критерии эти еще далеки от того, чтобы быть надежными. Действительно, текст в силу каких-нибудь случайных обстоятельств мог не сохраниться в глаголической традиции [6, с. СССXXXIV] или цитатах, напротив, глаголическая традиция могла сохранить переводы с греческих оригиналов, возникшие и в начале X в. (вплоть до 925 г., когда на Сплетском соборе была запрещена славянская литургия у хорват, вновь разрешенная лишь в 1248 г. [46, с. 5—21]); что касается недостатков лингвистических критериев, то о них уже было сказано. Нужно, однако, помнить, что надежность этих критериев — как раз то, чего необходимо достичь в ходе исследования отдельных книг и переводов, а на первых порах пусть оно пойдет при неверном свете догадок и вдохновенья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов А. В. К вопросу об изданиях памятников славяно-русской письменности. — В кн.: Предварительный съезд русских филологов. Бюллетени. СПб., 1903.
2. Иванова Т. А. У истоков славянской письменности (к переводческой деятельности Мефодия). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Л., 1976.
3. Мецкерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978.
4. Горский А. В. О св. Кирилле и Мефодии. — Москвитянин, 1843, № 3.
5. Горский А. В., Невострев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел I. М., 1855.
6. Михайлов А. В. Опыт изучения книги Бытия пророка Моисея. Ч. 1. Варшава, 1912.
7. Алексеев А. А. В. Горский. — Старобългаристика, 1979, № 4.
8. Jaglić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
9. Vajs J. Dobrovský a biblická kritika. — In: Josef Dobrovský. 1753—1829. Praha, 1929.
10. Ryba V. Josef Dobrovský jako textový kritik. — In: Josef Dobrovský. 1753—1953. Praha, 1953.
11. Vašica J. Literární památky epochy velkomoravske, 863—885. Praha, 1966.
12. Никольский Н. К. К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу. — Изв. по РЯС, т. I, 1928, кн. 2.
13. Nachtigal R. Otočsky kňnigy. — In: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Razred za filološke in literarne vede, Razprave, 1. Ljubljana, 1950.
14. Veder W. R. Was ist Methods Väterbuch? — In: Dutch Contributions to the VII International Congress of Slavists. Amsterdam, 1973.
15. Slavia orientalis, 1976, № 4, s. 483—491.
16. Можалева И. Е. Библиография по Кирилло-Мефодиевской проблематике. 1945—1974. М., 1980.
17. Мецкерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, т. XX, 1964.
18. Horálek K. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954.
19. Vrana J. O tipovima, redakcijma i međusobnom odnosu staroslovjenskih evanđelja. — Slavia, r. XXVI. 1957; r. XXIX, 1960.
20. Moszyński L. Starocerkiewno-słowiański aprakos. — In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 2. Warszawa, 1957.
21. Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896.
22. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
23. Воскресенский Г. А. К вопросу о научном издании славянского перевода Библии. — В кн.: В память столетия Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1915.
24. Жуковская Л. П. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 7. М., 1963.

25. *Сперанский М. Н.* Рец. на кн.: *Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896.— В кн.: Отчет о 39-м присуждении премии гр. Уварова. Записки Академии наук. Т. 3, 1899, № 5.
26. *Vondrák V.* O kskl. překladu evangelia v jeho dvou různých částech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopiseh.— In: Даничиев сборник. Београд — Лублана, 1925.
27. *Грицкат И.* Дивомшево јеванђеље.— Јужнославенски филолог, књ. XXV, 1961/62.
28. *Lake K., Blake R. P., New S.* The Caesarean Text of the Gospel of Mark.— Harvard Theological Review, v. 24, 1928.
29. *Vajs J.* Byzantská recenze a evangelijní kodexy staroslověnské.— Byzantinoslavi-са, г. I, 1929; г. IV, 1932.
30. *Vajs J.* La recensione bizantina e la versione paleoslava dei Santi Vangeli.— Studi bizantini e necellenici, t. V, 1939.
31. *Casey R. P., Lake S.* A New Edition of the Old Slavic Gospel.— Journal of Biblical Literature, v. LV, 1936.
32. *Metzger B. M.* Chapters in the History of New Testament Textual Criticism. 1963.
33. *Westcott B. F., Hort F. J. A.* The New Testament in the Original Greek, v. 2. Introduction. Cambridge and London, 1881.
34. *Kenyon F. G.* Handbook to the Textual Criticism of the New Testament. London, 1912.
35. *Kenyon F. G.* Recent Developments in the Textual Criticism of the Greek Bible. London, 1933.
36. *Муретов М.* Древнеславянское евангелие от Марка. Поправки, дополнения и замечания к трудам проф. Г. А. Воскресенского. Сергиев Посад, 1897.
37. *Сперанский М. Н.* К истории славянского перевода Евангелия.— РФВ, т. 41, 1899.
38. *Неделькович О.* Редакције старословенског еванђеља и старословенска синонимика.— В кн.: Кирил Солунски. Симпозиум «1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски», кн. 2. Скопје, 1970.
39. *Добрев И.* Текстът на Добромировото Евангелие и втората редакция на стробилгарските богослужбени книги.— Български език, 1979, № 1.
40. *Gregory C. R.* Tekritik des Nouen Testament, Bd. 1—3. Lejpsig, 1900—1909.
41. *Воскресенский Г. А.* Послания св. апостола Павла. Сергиев Посад, 1892—1908.
42. *Неделькович О.* Problem strukturnih redakcija staroslovenskog prijevoda Apostola.— Slovo, XXII, 1972.
43. *Евсеев И. Е.* Рец. на кн.: *Воскресенский Г. А.* Послания св. апостола Павла. Сергиев Посад, 1892—1908.— В кн.: Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академиею наук. Пг., 1915.
44. *Новицкий О.* О первоначальном переводе Св. Писания на славянский язык. Киев, 1837.
45. *Kyas V.* Starozákonní citáty v Životě Konstantinově a Metodějově ve srovnání se staroslověnským pramejníkem.— Slavia, 1963, № 3.
46. *Мизайлов А. В.* К вопросу о литературном наследии св. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях. Варшава, 1904.
47. *Мизайлов А. В.* Греческий и славянский Паримийник. Варшава, 1908.
48. Паримийник, сиесть собрание паримий на все лето. СПб., 1—2, 1890—1893.
49. *Евсеев И. Е.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.
50. *Брандт Р.* Григоровичев паримийник в сличении с другими паримийниками. М., 1894—1901.
51. *Киас Вл.* Положение исследования в области византийско-старославянского паримийника.— Byzantinoslavica, 1955, № 2.
52. *Стилчевич Б.* О српском паримейницима.— В кн.: Кирил Солунски. Симпозиум «1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски». Књ. 2, Скопје, 1970.
53. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.
54. *Metzger B. M.* The Saturday and Sunday Lessons from Luke in the Greek Gospel Lectionary. Chicago, 1944.
55. *Туницкий Н. Л.* Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе, вып. 1. Сергиев Посад, 1918.
56. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г.— В кн.: Материалы и исследования по фондам рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР, Л., 1978.
57. *Евсеев И. Е.* Геннадиевская библия 1499 г. М., 1914.
58. *Евсеев И. Е.* Рукописное предание славянской Библии. СПб., 1911.
59. *Евсеев И. Е.* Следы утраченного первоначального перевода пророческих книг на славянский язык.— Изв. АН, т. X, 1899, № 4.
60. *Евсеев И. Е.* О книге Есфирь.— Изв. АН, т. VIII, 1898, № 5.
61. *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
62. *Соболевский А. И.* Церковнославянские тексты моравского происхождения.— РФВ, т. 43, 1900.
63. *Нахтигаль Р.* Несколько заметок о следах древнеславянского паримейника в хорватско-глаголической литературе.— В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. Т. 3. М., 1902.
64. *Vajs J.* Liber Ruth. Veglae, 1905.

65. *Vajs J.* Kniha Rut v preklade staroslovanskem. Praha, 1926.
66. *Михайлов А. В.* Рец. [65]. Изв. по РЯС, т. I, 1928, кн. 1.
67. *Vajs J.* Liber Yob ex breviaric Noviano II. Veglae, 1903.
68. *Михайлов А. В.* О новых изданиях хорватских глаголических текстов.— РФВ, 1905, № 4.
69. *Vajs J.* Propheta Ioel. Veglae, 1908.
70. *Vajs J.* Prorheta Oseas. Veglae, 1910.
71. *Vajs J.* Nejstarší Breviář chrvatsko-hlaholský. Prvý breviář Vrbnický. Praha, 1910.
72. Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958.
73. *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. М., 1904.
74. *Oblak V.* Die kirchenslavische Übersetzung der Apokalypse.— AfsIph, Bd. XIII, 1980
75. *Алексеев А. А.* «Песнь песней» в древней славяно-русской письменности. Ч. 1—2. (Ин-т русского языка АН СССР. Предварительные публикации, вып. 133, 134). М., 1980.
76. *Алексеев А. А.* К определению литературного наследия Мефодия (четий перевод Песни песней).— ТОДРЛ, т. XXXVII, 1983, с. 229—255.
77. Амфилохий, архимандрит. Исследование о Пандекте Антиоха XI в. М., 1880.
78. *Раїкевић I.* Lexikální strahka Antiochových Pandektů z r. 1307.— Casopis pro moderní filologii, t. XXXI, 1948.
79. *Раїкевић I.* Malí Proroci v Antiochových Pandektech z r. 1307.— Slavia, r. XXV, 1956.
80. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
81. *Маслов Ю. С.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках.— В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 1. М., 1954.
82. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Приготовил к печати С. Северьянов. Пг., 1922.
83. *Jagić V.* Psalterium bononiense. Vindobonae, 1907.
84. *Погорелов В. А.* Чудовская псалтырь XI в. СПб., 1910.
85. *Погорелов В. А.* Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь. Варшава, 1910.
86. *Berčić I.* Ulomci svetoga pisma obojega unjeta staroslovenskim iezikom, díl 2. Praha, 1864.
87. *Ягич И. В.* Глаголическое письмо.— В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. 3. СПб., 1911.
88. *Griec F.* Osvobodnih prevodih v staroslovenskim evangelijih.— Slavia, r. XXV, 1956.
89. *Ногáлек К.* К překladatelské činnosti Metodějově.— Slavia, r. XXV, 1956.
90. *Иванова-Мирчева Д.* К вопросу о характере болгарских переводческих школ от IX—X до XIV века.— Старобългаристика, 1977, № 1.
91. *Lagarde P. de.* Anmerkungen zur griechischen Übersetzung der Proverbien. Leipzig, 1863.
92. *Бумина И. К.* Система времен старославянского глагола. М., 1959.
93. *Dostál A.* Studie o vidovém systému v Staroslověňštině. Praha, 1954.
94. *Алексеев А. А.* «Песнь песней» по русскому списку XVI в. в переводе с древнееврейского оригинала.— Палестинский сборник. Т. 27. Л., 1981.
95. *Трифуновић Њ.* Тумачење «Песме над песмама» од Теодорита Кирског у преводу Константина Философа.— Сборник за славистику, 2, 1971.
96. *Климент Охридски.* Собрани съчинения. Т. I. София, 1970.
97. *Parvis M. M.* The Goals of New Testament Textual Studies.— In: Studia evangelica, v. VI. Berlin, 1973. p. 393—407.
98. *Логачев К. И.* Проблема критического издания первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции.— Советское славяноведение, 1982, № 5, с. 66—73.
99. *Aland K.* The Significance of the Papyri for Progress in New Testament Research.— In: The Bible in Modern Scholarship. Paper read at the 100th Meeting of the Society of Biblical Literature. December 28—30. 1964. Nashville — New York, 1965, p. 325—346.
100. Prolegomena to the Study of the Sectionary Text of the Gospels Ed. by E. C. Colwell, D. W. Riddle. Chicago, 1933.